

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СУДЬБЕ

«Не говорю и не думаю, чтобы древние Россияне под Великокняжеским или Царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, то есть иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что действительно порочно; однакож должно согласиться, что мы с приобретением добродетелей человеческих утратили гражданские. Имя Русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его присваивая себе многие выгоды иноземных обываев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный Россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь — первое Государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим Гражданским достоинством? некогда называли мы всех иных Европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию — неверным или братьям? То есть кому бы она, по вероятности, долженствовала более противиться? При Царе Михаиле или Феодоре Вельможа Российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших Государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. ...Сыновья Бояр наших рассыпались по чужим землям тратить деньги и время для приобретения Французской или Английской наружности».

«Искренно хваля Правительство за желание способствовать в России успехам земледелия и скотоводства, похвалим ли за бережливость? Где она? ...Сколько изобретено новых мест, сколько чиновников ненужных! Здесь три Генерала стерегут туфли Петра Великого; там один человек берет из 5 мест жалованье; всякому столовые деньги; множество пенсий излишних; дают займы без отдачи и кому? Богатейшим людям! Обманывают Государя проектами, заведениями на бумаге, чтобы грабить казну; непрестанно на Государственное иждивение ездят Инспекторы, Сенаторы, чиновники, не делая ни малейшей пользы своими объездами; все требуют от Императора домов и покупают оные двойною ценою из сумм Государственных, будто бы для общей, а в самом деле для частной выгоды, и проч., и проч.»

«Одно из важнейших Государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают Сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты, честные терпят и молчат, ибо любят покой. ...Указывают пальцем на грабителей и дают им чины, ленты, в ожидании, чтобы кто-нибудь на них подал жалобу. А сии недостойные чиновники,

Елена Павловна Зиновьева родилась в Ленинграде. Окончила Институт культуры им. Н. К. Крупской. С 2003 года публикуется в журнале «Нева», автор книги «История России. Взгляд из XXI века» (2011), литературно-критических статей в московских периодических изданиях. Живет в Санкт-Петербурге.

в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге, беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, коего они условно лишились; в два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни. Иногда видим, что Государь, вопреки своей кротости, бывает расположен и к строгим мерам: он выгнал из службы двух или трех Сенаторов и несколько других чиновников, оглашенных мздоимцами; но сии малочисленные примеры ответственны ли бесчисленности нынешних мздоимцев? Негодяй так рассуждает: „Брат мой N. N. наказан отставкою; но собратья мои, такие-то, процветают в благоденствии: один многим не указ; а если меня и выгонят из службы, то с богатым запасом на черный день, еще найду немало утешений в жизни“ ».

Написано более двухсот лет назад, а как актуально звучит! Слова эти принадлежат историку, литератору, публицисту Николаю Михайловичу Карамзину (1766—1826), двухсотпятидесятилетие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. Его заслуги перед отечественной культурой не ограничиваются тем, что он — автор монументальной двенадцатитомной «Истории государства Российского», первого монографического описания русской истории с древнейших времен до начала XVII века, без обращения к которому и в наши дни не обходится ни одно историческое исследование. Как и заслуги перед русской словесностью не ограничиваются тем, что он стал основоположником русского сентиментализма в литературе («Письма русского путешественника», «Бедная Лиза») и во многом подготовил успех деятелей пушкинского периода, золотого века русской литературы.

* * *

Первоклассный писатель, критик, драматург, переводчик, за сорок лет работы в литературе Карамзин стал первым во многих начинаниях, подхваченных его младшими современниками и последователями. Карамзин и писатели его школы обновили литературу, принесли новые темы, создали новые жанры, выработали особый слог, реформировали литературный язык.

По мнению видного литературоведа Г. Макогоненко, Н. Карамзина-писателя, за плечами которого был большой и сложный путь идейных и эстетических исканий, нельзя рассматривать лишь как главу школы, принесшей в литературу тему человека и создавшей язык для раскрытия жизни сердца. Это то же самое, замечает Макогоненко, что настойчиво натягивать «на плечи зрелого Карамзина заячий тулупчик юношеского сентиментализма». Литературное наследие Карамзина слишком огромно и многообразно по содержанию, жанрам и форме. Так, велик его вклад в русскую поэзию. Он ввел в нее такие новые жанры, как баллада, дружеское послание, поэтические «мелочи», остроумные безделушки, мадригалы. В последующем их будут использовать Жуковский, Батюшков, Пушкин. Недовольный, как и некоторые другие поэты, засильем ямба, Карамзин использует хорей, широко применяет безрифменный стих, пишет трехсложными размерами. Приводя эти примеры, Г. Макогоненко отмечает и то, что внимание науки долгое время было привлечено в основном к художественному творчеству 1790-х годов, в то время как деятельность Карамзина-критика, его публицистика не удостоивались должного внимания, и даже «История государства Российского» долгое время находилась «под спудом».

Крупный журналист, организатор издательского дела, Н. Карамзин стал воспитателем вкуса у читающей публики России конца XVII — начала XIX века, а вернее — сформировал читающую публику в России. В 1791—1792 годах он издавал ежемесячный «Московский журнал», где увидели свет большая часть «Писем русского путешественника», повести Карамзина «Лиодор» и «Бедная Лиза», «Наталья, боярская

дочь» и «Флор Силин», а также очерки и рассказы Карамзина, его критические статьи и стихотворения. К сотрудничеству в журнале Карамзин привлек Дмитриева и Петрова, Хераскова и Державина. Успех «Московского журнала» был грандиозный — целых 300 подписчиков! По тем временам очень большая цифра. В 1790-е Карамзин выпустил первые русские альманахи — «Аглая» и «Аониды». В 1802—1803 годах издавал журнал «Вестник Европы», в котором преобладали литература и политика.

Трогательный, чуткий, человечный, первоклассный, утонченность, влюбленность, ответственность, подозрительность, благотворительность, вольнодумство, промышленность, достопримечательность, эпоха, катастрофа, сцена... Мы пользуемся этими словами в быту, не ведая, что их — и еще много других — ввел в обиход Н. Карамзин. Это он в своем «Историческом похвальном слове Екатерине II» (1802 год) впервые в истории России обратился к соотечественникам со словом «Сотраждане». Одним из первых он начал использовать букву «Ё», до этого слова «ёлка», «ёж» писались как «юлка», «юж»; ему русская письменность обязана таким знаком препинания, как тире.

В статье 1802 года «О любви к отечеству и народной гордости» Карамзин писал: «Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка; мудрено ли, что не умеем изъяснять им некоторых тонкостей в разговоре» — и призывал «дать родному языку все тонкости языка французского».

Самым ценным и важным оказался отказ писателя от обветшалой славянской лексики, по традиции применявшейся в письменном литературном языке, а из разговорной речи образованных слоев русского общества постепенно вытесненной. Работая в области прозы и стиха, почву для того, что принято называть «языковой реформой» Карамзина, готовили и его предшественники (Новиков, Фонвизин, Державин), и многие старшие современники и сверстники Карамзина, но именно у Карамзина этот общий процесс нашел наиболее яркое и авторитетное воплощение. Отказываясь от славянской лексики, он создавал удачные русские языковые соответствия, неологизмы, придавал «русское обличье» иностранным словам. По выражению Пушкина, «Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова».

Карамзин призывал авторов писать «простыми русскими словами», отказываясь от прежней ориентации на салон, на вкусы дам и утверждал, что русский язык по природе своей обладает богатейшими возможностями, позволяющими автору выразить любые мысли, идеи и чувства: «Оставим нашим любезным светским дамам утверждать, что русский язык груб и неприятен». Писатели, считает Карамзин, «не имеют такого любезного права судить ложно. Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богаче гармониею, нежели французский, способнее для изливания души в тонах, представляет более аналогических слов, то есть сообразных с выражаемым действием: выгода, которую имеют одни коренные языки!»

Новации Карамзина вызвали горячие споры. Ожесточенная полемика в начале XIX века шла между обществом «Беседа любителей русского слова» во главе с Шишковым и обществом «Арзамас», который представляли Жуковский, Карамзин, Пушкин, Вяземский, Батюшков. В языковом споре история показала убедительную победу «Арзамаса».

Карамзин является и первооткрывателем ценнейших архивных документов: летописей, указов, судебных книг. Работая над «Историей государства Российского»,

Карамзин и его помощники «прочесали» архивы и книжные собрания Синода, Эрмитажа, Академии наук, Публичной библиотеки, Московского университета, Александро-Невской и Троице-Сергиевой лавры. По просьбе историка поиски шли в монастырях, в архивах Оксфорда, Парижа, Венеции, Праги и Копенгагена. Среди уникальных находок — Остромирово Евангелие 1056—1057 годов (это и поныне древнейшая из датированных русских книг), Ипатьевская, Троицкая летописи, Судебник Ивана Грозного, произведение древнерусской литературы «Моление Даниила Заточника». Есть предание, что, обнаружив новую летопись — Волынскую, Карамзин несколько ночей не спал от радости.

Он первым опубликовал отрывки из уникального произведения XV века — «Хожения за три моря» Афанасия Никитина. В примечаниях к VI тому «Истории государства Российского» Карамзин писал: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века... Оно (путешествие) доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что индийцы слышали об ней прежде нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара...»

Среди введенных Карамзиным в научный оборот источников новые летописные списки, церковные уставы, многочисленные юридические памятники, в том числе Новгородская Судная грамота, Судебник Ивана III (Татищев и Миллер знали только Судебник 1550 года). Для своих работ историк привлекал и памятники литературные: «Слово о полку Игореве», «Вопросы Кирика». Вслед за М. М. Щербатовым расширяя использование записок иностранцев, Карамзин впервые обратился к текстам Плано Карпини, Рубрука, Барбаро, Контарини, Герберштейна, к запискам иностранцев о Смутном времени.

Результаты работы с источниками отражены в обширных примечаниях к «Истории государства Российского». Во время нашествия Наполеона при московском пожаре 1812 года в огне сгорели многие архивы, и «Примечания» Карамзина до сих пор ценнейший источник, ибо в них подробно цитируются многочисленные документальные свидетельства, не дошедшие до наших дней.

Карамзина можно назвать и первым русским краеведом. В декабре 1817 года пятилетие со времени изгнания наполеоновских полчищ с территории России предполагалось отметить торжествами в Москве. Карамзин, по своему положению почти обязанный ехать со двором, отказался, отговорившись слабостью жены, только что родившей. И вдовствующая императрица Мария Федоровна попросила почитаемого ею историографа составить для нее список наиболее интересных московских достопримечательностей, так как во время пребывания в древней столице хотела бы «увидеть ее старину». Карамзин вместо списка представил императрице обширный очерк о памятных местах Москвы и ее окрестностей — «Записку о московских достопамятностях», ставшую, по сути, первым в москвоведении историко-культурным путеводителем по Москве. Императрица, довольная этим путеводителем, широко давала его читать. С «Записки о московских достопамятностях», не предназначенной для публики, снимали копии, впоследствии она была напечатана при жизни историка.

Основоположник русского сентиментализма, создатель первой истории государства Российского (именно государства, а не только России) с древнейших времен до начала XVII века, реформатор русского языка... И — первый политолог, как назвал его историк Ю. Пивоваров, «блестящий политический мыслитель» — в оценке другого историка и политолога В. Никонова.

* * *

И для таких утверждений есть все основания: трактат Карамзина, названный им «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» можно считать первым отечественным опытом исторического и политического самопознания в России.

В своей «Записке о древней и новой России» Карамзин впервые в нашей отечественной историософии четко сформулировал вопросы, которые волнуют нас и сегодня: Что есть Россия? Каков ее исторический удел? Часть ли это Европы или самобытная цивилизация? Какие преобразования ей нужны, какими органичными для страны средствами следует осуществлять их? Именно из этой «Записки» взяты цитаты, открывающие данную статью.

* * *

Поучительна история создания и публикации «Записки».

Эта, по сути, историко-политическая программа составлена историком по просьбе великой княгини Екатерины Павловны, младшей и любимой сестры Александра I. Н. М. Карамзин был представлен великой княгине в конце 1809 года. Молодая, красивая, образованная и умная великая княгиня знала и ценила сочинения Карамзина, и после личного знакомства пригласила его погостить в Твери, во дворце, где находилась резиденция ее супруга, принца Георга Ольденбургского, тверского, новгородского и ярославского генерал-губернатора. В феврале 1810 года Карамзин шесть дней провел в Твери, его ежедневно приглашали в «очарованный замок» на обед, а по вечерам он читал великой княгине, принцу Георгу и великому князю Константину Павловичу, младшему брату императора, главы из «Истории государства Российского». Чтение произвело сильное впечатление на слушателей.

Второй раз Карамзин посетил Тверь в декабре 1810 года. В беседах с Екатериной Павловной историк много внимания уделил новым государственным мерам, принимаемым правительством. Мнения Карамзина были резко отрицательными, а доводы выглядели тем более убедительными, что совпадали со взглядами Екатерины Павловны и ее двора. «Дней Александровых прекрасное начало», первые годы царствования Александра I, ознаменованные попытками либеральных реформ, кончилось разочарованиями: почти ничего из благих намерений осуществить не удалось, в осуществленных же преобразованиях обнаружилось великое множество недостатков. В Твери образ Александра I решительно отделялся от его окружения: приближенного к императору советника Сперанского со товарищи считали беспочвенными прожектерами, желающими переустроить Россию по иностранным политическим образцам и не знающими и не желающими знать действительных условий и нужд страны, а император рисовался реформатором-мечтателем, желающим добра своему народу, жаждущим слышать слово правды и совета.

Екатерина Павловна была увлечена четкостью и доказательностью рассуждений Карамзина, его концепцией об исторических законах развития России и взглядами на современные события, логически вытекающими из прошлого. Она уговорила историографа изложить его суждения в письменном виде для императора.

С декабря 1810 года по февраль 1811-го Карамзин работал над «Запиской...» и в начале февраля 1811 года отвез рукопись в Тверь. «Записка...» получилась объемная, ее чтение, прерываемое вопросами Екатерины Павловны и Константина Павловича, продолжалось несколько дней. Высокие особы трактат одобрили. По прочтении великая княгиня оставила рукопись у себя.

В марте того же года Александр I посетил сестру, тогда же ему был представлен Карамзин. Император пробыл в Твери пять дней и ежедневно виделся и беседовал со своим историографом, Карамзин читал и главы из «Истории государства Российского», был обласкан императором, казалось, историка ждут награды. «Записку...», по договоренности с Екатериной Павловной, он не зачитывал: для сохранения полной конфиденциальности великая княгиня в удобный момент сама отдала ее императору.

После представления записки ситуация резко переменялась: царь уехал, холодно простившись с историографом.

* * *

Неудивительно. Резкие, подчас беспощадные суждения автора «Записки...» и не могли прийти по душе Александру I. «Несть лести в языке моем» — такое библейское изречение избрал Карамзин эпиграфом для своего трактата и избранному пути не изменил ни в обзоре истории России от древности до дня текущего, ни в анализе «текущей ситуации».

Обращаясь к прошлому, прослеживая исторический путь самодержавия в России, Карамзин особо отмечал заслуги Ивана Калиты, называя его политику «наилучшей по всем обстоятельствам»: Иван Калита обеспечил безопасность своих подданных от грабежа татар, благодаря чему успокоились села и города, пробудилась внутренняя и внешняя торговля; обогатились народ и казна. Второй заслугой великого князя Карамзин называл присоединение к Великому княжеству частных уделов. «Усыпляемые ласками властителей московских, ханы с детскою невинностью дарили им целые области и подчиняли других князей российских, до самого того времени, как сила, воспитанная хитростью, довершила мечом дело нашего освобождения». Это при Иване III «Европа устремила глаза на Россию: Государи, Папы, Республики вступили с нею в дружелюбные сношения, одни для выгод купечества, иные — в надежде обратить ее силы к обузданию ужасной Турецкой Империи, Польши, Швеции. Даже из самой глубины Индостана, с берегов Гангеса, в XVI веке приезжали послы в Москву, и мысль сделать Россию путем Индейской торговли была тогда общею. Политическая система Государей Московских заслуживала удивление своею мудростию: имея целию одно благоденствие народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые к миру, уклоняясь от всякого участия в делах Европы, более приятного для суетности Монархов, нежели полезного для Государства, и, восстановив Россию в умеренном, так сказать, величии, не алкали завоеваний неверных, или опасных, желая сохранять, а не приобретать». И далее: «Глубокомысленная политика князей московских не удовольствовалась собранием частей в целое: надлежало еще связать их твердо и единовластие усилить самодержавием». Ключевой посыл: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием».

Насколько мудро действовали русские самодержцы в обстоятельствах своего времени? Всегда ли их замыслы и деяния соответствовали интересам государства и народа? Насколько важна внутренняя связь подданных с властью? Где границы власти самодержцев? Почему и когда народ утрачивал почтение к своим владельцам, охладевал в усердии к ним? Когда к тягостным последствиям — мятежам и смуте — приводила недалёковидность правителей? И как и почему, когда «казалось, что Россия погибла навеки», наступало чудо ее удивительного возрождения?

Подробно рассматривая деятельность русских князей, царей, императоров, Карамзин давал ответы на эти вопросы и политический, одобренный историческими

экскурсами урок царю. Бытует мнение, что Карамзин как «придворный» историограф Романовых в своей «Истории государства Российского» «опорочил» всех Рюриковичей, и особенно Ивана Грозного. Об Иване Грозном мы поговорим позже. А сейчас посмотрим, справедливо ли такое скороспелое суждение.

«Записка...» его опровергает. «Порочит» в ней Карамзин не только Рюриковичей, отрицательная оценка дана Борису Годунову и Дмитрию Самозванцу. Про первого сказано, что «нравственное могущество царское ослабело в сем избранном венценосце», и объясняется это тем, что Годунов не был наследственным, то есть законным, легитимным монархом. Второго не принял народ как тайного католика, презревшего русские обычаи и веру. Только двух тиранов в течение девяти веков обнаружил Карамзин — Ивана IV и Павла I. Но последний-то уже Романов.

«История государства Российского» доведена до начала XVII века, последний, XII том замер на междоусурствии 1611–1612 годов. Заканчивается XII том словами о маленькой российской крепости: «Орешек не сдавался». В «Записке...» исторический обзор продолжен до дня текущего. Пожалуй, из Романовых резкой критике не подверглись только Михаил, Алексей и Феодор, им воздано должное за восстановление России, за ее дальнейшее развитие, за осмысленные реформы, когда каждое «изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы нехотя, применяя все к нашему и новое соединяя со старым». Что касается остальных правителей...

Вот как «романовские» страницы «Записки...» характеризует Ю. Лотман: «Карамзин не пощадил человеческих качеств ни одного из его предков. Применительно к Петру I формула: „умолчим о пороках личных“ в сочетании со словами „худо воспитанный“ и напоминанием: „Тайная Канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования Государственного“ — была достаточно красноречива. Но для других царей, правивших в XVIII веке, у Карамзина нашлись еще более горькие слова. „Злосчастная привязанность Анны к любимцу бездушному, низкому, омрачила и жизнь, и память ее в истории. Воскресла Тайная Канцелярия Преображенская с пытками; в ее вертепах и на площадях градских лились реки крови“. „Лекарь Француз и несколько пьяных Гренадеров возвели дочь Петрову на престол величайшей Империи в мире“. „Елисавета, праздная, сластолюбивая“. Личные достоинства ее состояли в том, что она „имела любовников добродушных, страсть к весельям и нежным стихам“. Далее — „несчастный Петр III“ „с своими жалкими пороками“. О Екатерине II: „Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходные качества души, невольно вспоминаем ее слабости и краснеем за человечество“. „Богатства Государственные принадлежат ли тому, кто имеет единственно лице красивое?“ „Самое достоинство Государя терпит, когда он нарушает Устав благонравия: как люди ни развратны, но внутренне не могут уважать развратных“. О Павле I: „...жалкое заблуждение ума“, „презирая душу, уважал шляпы и воротники“, „думал соорудить себе неприступный Дворец — и соорудил гробницу“. И в итоге — дерзкие слова: „Заговоры да устрашают народ для спокойствия Государей! Да устрашают и Государей для спокойствия народов!“ Можно представить себе, с каким чувством читал император эти строки».

Карамзин пишет, что, «вопреки своему человеколюбию, Елизавета вмешалась в войну кровопролитную и для нас бесполезную»; что и «блестящее царствование Екатерины представляет взору наблюдателя и некоторые пятна», что и царствование Павла I компрометировало самодержавие, и причиной того была личность самого императора. «Но что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления ононого».

И все-таки, соблюдая объективность, историк отмечал и те начинания, деяния, которые благотворно сказались на общем ходе развития страны. «По крайней мере, сравнивая все известные нам времена России, едва ли не всякий из нас скажет, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского; едва ли не всякий из нас пожелал жить тогда, а не в иное время». В конце концов, «возвысив нравственную цену человека в своей державе, она /Екатерина/ пересмотрела все внутренние части нашего здания государственного и не оставила ни единой без поправления: Уставы Сената, губерний, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внешняя политика сего царствования достойна особенной хвалы: Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной европейской системе. Воинствуя, мы разили. Петр удивил Европу своими победами, — Екатерина приучила ее к нашим победам...»

Карамзин одним из первых в русской мысли поставил вопрос о негативных последствиях правления Петра I, фактически обвинив его в насильственном истреблении древних обычаев, роковом расколе народа на высший, «онемеченный» слой и низший, «простонародье», а также в уничтожении патриаршества, что привело к ослаблению веры.

Искореня древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России, полагал историк, «унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного... Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ». В итоге, утверждал Карамзин, русские «стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России».

Карамзин считал, что «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств... Сей дух... есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству». И в этом, по утверждению Карамзина, главная ошибка «великого венценосца».

Среди ошибок Петра называет Карамзин и основание новой столицы в нездоровой местности: Петербург «основан на слезах и трупах» и продолжает пожинать «новые жертвы преждевременной смерти». Это мнение, возникшее в среде тех, кто не желал оставлять насиженные места и переезжать в «глухомань», не подвергалось сомнению в начале XIX века, и только теперь доказано, насколько оно не соответствует действительности.

Именно от Карамзина, считает В. Никонов — и он не одинок в своем мнении, — ведет начало интеллектуальная дискуссия, ставшая стержневой для российской общественно-политической мысли на последующую пару веков — вплоть до наших дней. А именно — вопрос о соотношении национальной традиции и внешних заимствований. Именно в дискуссии вокруг «Истории...» Карамзина и его неоднозначной оценки исторической роли Петра выкристаллизовались постепенно течения славянофилов, видевших (упрощенно) проблемы России в отрыве от допетровских корней, и западников, понимавших цель развития страны в том, чтобы максимально приблизиться к западной модели.

Никонов отмечает, что «нельзя сказать, что Карамзин однозначно негативно оценивал роль Петра I. Такие оценки ему не позволяли ни его монархизм, ни преклонение перед сильной властью. Карамзин отдавал должное величию императора. Но Петр для Карамзина — еще и разрушитель устоев».

Да, для «романовского» историографа Карамзин слишком резок.

* * *

Две трети записки Карамзин посвятил дерзкой критике важнейших вопросов внешней и внутренней политики правительства Александра I. Ни одно из любимых предприятий царя историк не одобрил.

Прежде всего он обратил внимание на неудачную и непоследовательную внешнюю политику правительства, что объективно способствовала усилению Наполеона. Рассорив Россию с союзниками и нанеся ей огромный материальный и моральный ущерб, эта политика, по мнению Карамзина, тем не менее вела не к миру с Францией, а к неизбежному военному столкновению с ней.

Обращение к внутренней политике предваряется в «Записке...» обзором изменений в государственном устройстве и в государственных учреждениях, совершенных предшественниками Александра. Отметив, что такие реформы обычно болезненно отзывались на ходе повседневных дел и жизни населения, Карамзин анализирует их негативные и позитивные последствия.

Переходя к современности, он в первую очередь критикует чрезмерное увлечение императора созданием новых государственных учреждений и указывает, что незрелость и недееспособность новых государственных творений привела к тому, что «добрые россияне жалеют о бывшем порядке вещей».

Претензии Карамзина всегда доказательны. «Министерские бюро заняли место коллегий. Где трудились знаменитые чиновники, президент и несколько заседателей, имея долговременный навык и строгую ответственность правительствующего места, — там увидели мы маловажных чиновников, директоров, экспедиторов, столоначальников, которые, под щитом министра, действуют без всякого опасения. Скажут, что министр все делает и за все отвечает; но одно честолюбие бывает неограниченно. Силы и способности смертного заключены в пределах весьма тесных. Например, министр внутренних дел, захватив почти всю Россию, мог ли основательно вникать в смысл бесчисленных входящих к нему и выходящих от него бумаг? Могли даже разуть предметы столь различные? Начали являться, одни за другими, комитеты: они служили сатирой на учреждение министерств, доказывая их недостаток для благоуспешного правления. Наконец заметили излишнюю многосложность внутреннего министерства... Что же сделали?.. Прибавили новое, столь же многосложное и непонятное для русских в его составе».

От критики новой системы государственного управления Карамзин переходит к частным постановлениям правительства, отмечая особенно неудачные.

Среди них и Манифест о милиции 1806 года, которым император и правительство предписывали создавать ополчение в помощь регулярным войскам ввиду угрозы вторжения французской армии в пределы России. По мысли Карамзина, дело бессмысленное и неразумное, не давшее армии никакой подмоги. «Если бы правительство, вместо необыкновенной для нас милиции, потребовало от государства 150 тысяч рекрутов с хлебом, с подводами, с деньгами, то сие бы не произвело ни малейшего волнения в России и могло бы усилить нашу армию прежде Фридландской битвы. Надлежало бы только не дремать в исполнении».

Выступил Карамзин и против введения экзаменов для чиновников. «Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в ассессоры без свидетельства о своей учености. Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной — от инженера, законоведения — от судьи и проч. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский — свойство кислорода и всех газов, вице-губернатор — Пифагорову фигуру, надзиратель в доме сума-

сшедших — римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласного с их целью! Забавно, что сочинитель сего Указа, предписывающего всем знать риторику, сам делает в нем ошибки грамматические!» И предлагает: «вместо всеобщих знаний должно от каждого человека требовать единственно нужных для той службы, коей он желает посвятить себя: юнкеров Иностранной коллегии испытывайте в статистике, истории, географии, дипломатике, языках; других — только в знаниях отечественного языка и права русского, а не римского, для нас бесполезного; третьих — в геометрии, буде они желают быть землемерами и т. д. Хотеть лишнего или не хотеть должного — равно предосудительно».

Так же детально разобрал Карамзин отрицательные следствия указа, запрещающего помещикам продавать крестьян в рекруты; налоговой системы правительства, стремящегося введением новых налогов пополнить казну, разоренную огромным количеством ненужных расходов и скрытым казнокрадством; бесконтрольного выпуска ассигнаций, способствующего только падению курса рубля.

Претензии у него нашлись и к законотворческой деятельности правительства. Он с негодованием констатирует, что специально созданная комиссия вместо того, чтобы сводить воедино бытующие в России указы, занялась переводом сначала Фридрихова Кодекса, а затем переводом Кодекса Наполеона. «Для того ли существует Россия как сильное государство около тысячи лет? Для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно пред лицом Европы признаться глупцами и подsunуть седую нашу голову под книжку, слеplенную в Париже 6-ю или 7-ю экс-адвокатами и экс-якобинцами?» И настоятельно рекомендует обратиться к историческому опыту народа и согласно здравому смыслу ввести в систему законы отечественные, взяв за основу указы и постановления, изданные от времен царя Алексея до дня текущего. С точки зрения историка А. Минакова, в «Записке...» Карамзин сформулировал до сих пор не реализованную на практике идею «русского права»: «законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств». «Русское право также имеет свои начала, как и Римское; определите их и вы дадите нам систему законов».

Показательно, что, кроме собственно русского законодательства, Карамзин считает обязательным в общем законе России учитывать так же гражданское право других народов, входящих в состав государства, подчеркивая необходимость уважать национальные особенности народов.

* * *

Карамзин отнюдь не являлся сторонником исторического застоя. Не сами реформы как путь к улучшению ситуации в стране вызывают его возражения, а бессодержательность и ничтожность преобразований, сомнительная их благотворность и ценность для государства. И Александр не мог не понять, что главной мишенью Карамзина был не Сперанский, а он сам, российский император, ему адресованы поучения историографа.

Помимо критики, Карамзин выдвинул и собственную программу принятия «средств целебных», способных исправить нанесенный вред и достаточно действенных. Выделим одно из средств, похоже, актуальное во все времена: «...не формы, а люди важны... Да будет... правило: искать людей! ...Не только в республиках, но и в монархиях кандидаты (в министры, в губернаторы) должны быть назначены

единственно по способностям». Как не вспомнить знакомый тезис: «Кадры решают все!»

«Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, — писал Карамзин, — а из 50 или более частей, называемых Губерниями; если там пойдут дела как должно, то Министры и Совет могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона Россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних Чиновников и господ жестоких, восстанавливают правосудие, успокоят Земледельцев, ободрят Купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа. Если Губернаторы не умеют или не хотят делать того, виною худое избрание лиц; если не имеют способа, виною худое образование Губернских властей. ... Каковы ныне, большею частию, Губернаторы? Люди без способностей и дают всякую неправду наживаться Секретарям своим, или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что такой-то Губернии Начальник глупец и весьма давно! В такой-то грабитель, и весьма давно! Слухом земля полнится, а Министры не знают того, или знать не хотят. К чему же служат ваши новые Министерские образования? К чему писать законы, разве для потомства? Не бумаги, а люди правят».

Необходимым считал автор «Записки...» и повышение авторитета духовенства: «Как дворянство, так и духовенство бывает полезно государству по мере общего к ним народного уважения... Не довольно дать России хороших губернаторов — надобно дать и хороших священников; без прочего обойдемся и не будем никому завидовать в Европе». И предлагал по своему значению поставить Синод рядом с Сенатом.

Затронул Карамзин и один из самых болезненных, но официально не обсуждаемых вопросов — о крепостном праве, слухи о возможном его ограничении или частичной отмене ходили в обществе, были известны и Карамзину. Подробно разбирая историю крепостного права в России, современные ему, как мы бы сегодня сказали, реалии, историк приходит к мысли, что в настоящее время освобождение крестьян невозможно по причинам внутренней — общественной, юридической, нравственной и психологической — неподготовленности России. К каким последствиям может привести личное освобождение крестьян без земли, ведь земля — и это бесспорно — дворянская собственность? И можно ли подвергнуть испытаниям государственный и общественный строй и ввиду внешней угрозы — войны с Наполеоном?

Неверно считать Карамзина защитником крепостного права: признавая, что крепостное право «зло», он полагал, что к его отмене Россию нужно постепенно готовить: крестьян — «исправлением нравственным», их владельцев — государственным контролем, что важнейшим инструментом для ликвидации крепостного права является просвещение всех слоев населения России.

* * *

К каким бы сторонам российской действительности, российской истории ни обращался бы Карамзин, везде проходит одна стержневая для него, главная мысль: единственно возможная для России форма политического устройства и власти — самодержавие. «Самодержавие есть палладиум России: целость его необходима для ее счастья». (Палладиум — священное изображение Афины Паллады, символ и залог благополучия и процветания.) Он настаивал на том, что «Россия, прежде всего, должна быть великою, сильною и грозною в Европе и только самодержавие может сделать ее таковою».

В наше время «Записка о древней и новой России...» досконально и всесторонне рассмотрена большим кругом исследователей: изучены ее политическая, юриди-

ческая, экономическая, духовно-нравственная составляющие. Подвергнут разбору исторический контекст, в котором она появилась, идеологические сближения и разногласия Карамзина и Сперанского, который в 1808–1809 годах по поручению императора разработал проект реформ, призванный кардинально изменить всю систему управления Россией. И ни один из исследователей не обошел ключевой вопрос: Карамзин и его концепция Самодержавия, приоритет исследователи в первую очередь отдавали как раз вопросам формирования и эволюции идеи самодержавия в политической доктрине Карамзина. Разночтений нет: с любого ракурса Карамзин предстает защитником самодержавия. Из множества мудрых, здравых высказываний остановимся вот на этом: «Наряду с обзором русской истории и критикой государственной политики Александра I в „Записке“ содержалась цельная, оригинальная и весьма сложная по своему теоретическому содержанию, концепция Самодержавия как особого, самобытно-русского типа власти, тесно связанной с Православием и Православной Церковью». И далее: «С точки зрения К., самодержавие представляет собой „умную политическую систему“, прошедшую длительную эволюцию и сыгравшую уникальную роль в истории России» (А. Минаков).

Для Карамзина, с его пиететом по отношению к русскому самодержавию, планы Александра I и Сперанского вести законодательные ограничения монарха были неприемлемы, ибо, по убеждению историка, ограничивать монарха могут только законы Божии и совести и создавшиеся традиции. Все другое ведет к смуте и мятежам. Карамзин резко осудил любые попытки учреждения конституции, в чем-то ограничивающей власть царя. «Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто. Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою Государственного Устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?»

* * *

Александр I «Записка...» Карамзина не понравилась. Он обиделся.

Рукопись Александру передали вечером 18 марта, тем же вечером он тепло расстался с Карамзиным после часовой беседы, утром 19 марта царь был холоден к своему историографу и, по рассказу самого Карамзина, «прощаясь со всеми, взглянул на него издали с равнодушием».

Тем не менее в продолжение следующего года М. Сперанский был удален в ссылку, а либеральные проекты и преобразования свернуты, «план» Сперанского в своих главных пунктах так и не был воплощен в жизнь.

Проекты Сперанского читали лишь царь и некоторые его приближенные. Однако о содержании проектов ходили диковинные предположения среди придворных, тем более что Александр I осуществил некоторые идеи Сперанского, в первую очередь создание Государственного совета и преобразование министерств. Помещиков тревожили слухи об освобождении крестьян, об уравнивании сословий, отмене дворянских привилегий, о введении в России гражданского кодекса французского образца. Чиновное дворянство было возмущено попытками Сперанского навести порядок в бюрократическом аппарате империи, особенно введением экзаменов для получения некоторых чинов. Оппозиция Сперанскому в верхах и широкое недовольство рядом его мер среди населения заставили Александра I в марте 1812 года отставить реформатора со всех постов и сослать его в Нижний Новгород, а затем в Пермь.

Решающую роль в отставке и опале Сперанского сыграла «Записка...» Карамзина, выражавшая настроение основной массы дворянства.

Прошло пять лет, миновала эпоха войн с Бонапартом, а вместе с нею и эпоха либеральных настроений Александра, менялись взгляды Александра, отношение к Сперанскому и его реформам.

В начале февраля 1816 года Карамзин прибыл из Москвы в Петербург, чтобы решить вопрос об издании восьми томов своей «Истории государства Российского», в том числе финансовый.

В течение трех недель историограф ожидал аудиенции у царя. Автор вышедшего в серии ЖЗЛ подробного исследования биографии Карамзина, историк В. Муравьев пишет: «Советская историография упорно утверждала, что царь хотел унижить Карамзина, выразить свое недовольство „Запиской о древней и новой России...“. Есть также мнение, что аудиенцию тормозил Аракчеев, желавший показать свое могущество. Но думается, что разгадка проще, и прав М. П. Погодин, когда писал: „Может быть, замедление произошло просто и естественно, потому что наверху вещи представляются иначе, и немедленное решение о печатании „Истории“ не казалось столько нужным и важным, чтобы должно было пожертвовать ему другими делами“».

Среди этих других дел — и свадьба Анны Павловны с нидерландским наследником, принцем Вильгельмом, и масленичные праздники.

По настоянию императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны и после визита Карамзина к А. Аракчееву Александр I удостоил историографа высочайшей аудиенции, в результате на издание «Истории...» было выделено 60 тысяч рублей, для печатания определена петербургская военная типография, историографу предложили жить весной и летом в Царском Селе, в Китайском домике.

Восемь томов «Истории...», минуя цензуру, увидели свет в 1818 году колоссальным по тем временам тиражом в три тысячи экземпляров, которые стремительно разошлись в 25 дней (девятый том вышел в 1821 году, в 1824-м — десятый и одиннадцатый, последний, двенадцатый том — посмертно).

«История государства Российского» пользовалась огромным успехом.

О реакции общества на нее рассказал и А. Пушкин: «Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов „Русской истории“ Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле (Пушкин тогда выздоравливал после тяжелой болезни) с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалась, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем другом не говорили». Зачитывались «Историей...» все: студенты, чиновники, дворяне, даже светские дамы. Читали в Москве и Петербурге, читали в провинции: далекий Иркутск один закупил 400 экземпляров.

«Карамзин уловил историческую потребность и открыл тысячам людей прошлое их страны в тот момент, когда они этого жаждали. Он помог многим найти историю в себе и себя — в истории...» — писал Н. Эйдельман.

С 1816 года Карамзин жил в Петербурге — необходимо было отслеживать корректуру, лично следить за ходом печатания. В том же году он был пожалован статским советником, награжден орденом Св. Анны 1-го класса. Есть свидетельство, сообщает В. Муравьев, что, возлагая на Карамзина Аннинскую ленту, Александр наметнул ему, что награждает его орденом не столько за «Историю...», сколько за «Древнюю и новую Россию...».

Каждое лето Карамзин проводил в Царском Селе, что все более и более усиливало близость историка к царскому семейству. Государь «Историю...» читал в рукописи, во время прогулок по царскосельскому парку неоднократно беседовал с Карамзиным, выслушивал мнения Карамзина по текущим политическим событиям.

Предполагая восстановить Польшу в ее целостности, Александр попросил историкографа выразить на бумаге свои взгляды по «польскому вопросу». Ответом стала очередная «Записка» Карамзина, «Мнение русского гражданина» (1819 год), где автор упрекает царя в нарушении долга перед отечеством и народом.

Основной посыл таков: «Бог дал Вам Царство и вместе с ним обязанность исключительно заниматься благом оногo... Вы думаете восстановить древнее Королевство Польское; но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашею любовью к России и к самой справедливости?... Не клянутся ли Государи блюсти целостность своих Держав? ...Доселе нашим государственным правилом было: ни пяди, ни врагу, ни другу!» Карамзин высказывает также опасения, что и в восстановленном королевстве поляки не будут ни искренними братьями, ни верными союзниками России и что «поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас опаснее Поляков-Россиян». Ранее, в «Записке о древней и новой России...», Карамзин утверждал: «Безопасность собственная есть высший закон в политике».

Свои планы в отношении Польши Александр переменил.

Карамзин был последним, с кем беседовал Александр I, покидая столицу в 1825 году.

* * *

Странно сложилась судьба «Записки о древней и новой России...». Карамзин никогда не предполагал ее печатать, она адресовалась одному конкретному человеку — Александру I. Автор просил вернуть рукопись, но великая княгиня отказала, ответив, что рукопись теперь находится в надежных руках. Здесь теряется след оригинала «Древней и новой России». Есть предположение, что он или сгорел с другими бумагами Екатерины Павловны во время пожара Аничкова дворца и 1812 году, или, что менее вероятно, увезен был после ее бракосочетания с герцогом Вюртембергским в Штутгарт, где и хранится, быть может, в одном из тамошних архивов. По другой версии, ее увез Александр.

Однако с оригинала сделали копии, то ли сам автор, то ли Екатерина Павловна. В дальнейшем с этих копий снимались в разное время еще копии, они и хранятся сейчас в различных архивах нашей страны. Наиболее авторитетными среди них признаны три копии из архива Вяземских в Центральном государственном архиве литературы и искусства и одна копия в фондах Российской публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.

Так или иначе, но до 1836 года о существовании «Записки...» мало кто знал, и обнаружили ее лишь в 1836 году при разборе бумаг А. Аракчеева, умершего в 1834 году.

Первым редактором, предпринявшим попытку опубликовать статью «О древней и новой России», был А. Пушкин. Но цензура статью к опубликованию без разрешения вышестоящего начальства допустить не решилась, а министр просвещения Уваров наложил на публикацию запрет, поскольку Карамзин позволил себе критиковать практически все начинания молодого императора Александра I и вольно отозвался о его предшественниках на троне. Приговор гласил: «...так как статья сия не предназначалась сочинителем для напечатания и им при жизни издана в свет не была, то и ныне не следует дозволить печатать ее. Определено: предоставить

Г. Цензору Крылову возвратить рукопись сию без одобрения Г. Издателю Современника». «Остается лишь восхищаться прозорливостью цензурного комитета, признавшего, что сочинение Карамзина рано или поздно станет достоянием потомства!» — констатирует автор В. Муравьев.

Увидеть рукопись «О древней и новой России» напечатанной Пушкину не довелось, позднее друзья поэта, П. Плетнев и В. Жуковский, добились разрешения опубликовать отрывок из нее с вымарками цензора в пятом — так называемом «посмертном» — томе «Современника», вышедшем в 1837 году...

Весь XIX век «Записка...» находилась под цензурным запретом, но в течение десятилетий по рукам ходило несколько списков с нее.

В 1843 году в более полном виде отрывок из «Современника» воспроизвел книгоиздатель И. Эйнерлинг в приложении к пятому изданию «Истории государства Российского». Публикатору удалось восстановить часть вымаранного цензурой текста, но купюры в нем оставались значительными. Критические высказывания Карамзина в адрес Петра I, Елизаветы, Екатерины II и Павла I сохранялись под семью замками.

В 1861 году свет увидело двухтомное сочинение барона М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского», где цитировались все части «Древней и новой России», посвященные критике деятельности М. М. Сперанского.

В том же, 1861 году в Берлине без предисловия и имени издателя статья «О древней и новой России» вышла отдельной брошюрой. Текст был подготовлен небрежно, содержал множество ошибок, искажений.

Тщетной оказалась предпринятая в 1870 году попытка известного историка П. И. Бартенева напечатать «Записку...» в «Русском архиве». По требованию цензуры текст записки из журнала изъяли и уничтожили. Номера журнала вышли с недостающими страницами.

Следующий шаг предпринял академик А. Н. Пыпин: он поместил текст «Записки...» в приложениях ко второму (1885 год): и к третьему (1900 год) изданию своей книги «Общественное движение в России при Александре I». Но достоверными, соответствующими оригиналу эти публикации не являлись: общая антикарамзинистская направленность Пыпина, рассматривавшего Карамзина как противника либеральных реформ, выразителя консервативно-охранительной идеологии, повлияла даже на публикуемый текст, лишая его объективности. Пыпин считал, что Карамзин «наносил свою долю зла начинавшемуся умственному и общественному движению; он рекомендовал программу застоя и реакции».

Только в 1914 году в Петербурге появляется наконец отдельное и наиболее авторитетное отечественное издание этого интереснейшего памятника русской общественной мысли. Выпустил его профессор В. Сиповский, в основу публикации взяв писарскую копию «Записки...» из Собственной Его Императорского Величества библиотеки Зимнего дворца. «Эта копия помогла восстановить текст и разобраться во всех непонятных местах заграничного издания этого сочинения», — сообщает Сиповский в предисловии. Однако в текст было внесено множество исправлений: изменена пунктуация, сделан ряд существенных поправок «по собственному разумению» публикатора. Малотиражное издание 1914 года сразу же сделалось редкостью, мало доступной даже специалистам.

Публикацию Сиповского повторил в 1959 году в США, в городе Кембридже, штат Массачусетс профессор Гарвардского университета Ричард Пайпс.

«В советское время статью „О древней и новой России“ постигла та же участь, что и главное произведение Карамзина — „Историю государства Российского“. Иногда можно было встретить цитаты из нее, доказывающие реакционность взглядов

Карамзина. Несколько раз предпринимались попытки опубликовать ее в различных изданиях, но безуспешно — на „Древней и новой России“ лежал негласный запрет. Мало кто, даже среди студентов филологических факультетов, знал о ее существовании. А ведь это произведение отражает сущность целой эпохи в русской истории, эпохи, которой полностью посвящены первые два тома романа „Война и мир“ Л. Н. Толстого», — пишет А. Сегень в предисловии к публикации 1988 года («Литературная учеба», 1988, № 4).

В журнальной публикации 1988 года устранены все спорные поправки Сиповского, текст приведен в соответствие с копиями, которые использовали публикаторы.

С предисловием Ю. Пивоварова «Записка о древней и новой истории России...» вышла в 1991 году в серии «Ретроспективная и сравнительная политология».

Судьба «Записки о древней и новой России...» удивительна: более двухсот лет минуло со времени ее создания, давно „канули в прошлое отразившиеся в ней злободневные страсти, давно сделались достоянием печати произведения неизмеримо более смелые, а работа Карамзина оставалась практически недоступной читателю.

Еще более поразительно, что и в дальнейшем публикация этого произведения встречала цензурные трудности: тщетно советские историки литературы добивались ее издания. Одни цензоры боялись «резкости», другие — «реакционности» мнений Карамзина.

Несмотря на то, что текст «О древней и новой России» был известен лишь в извлечениях или дефектных публикациях, историки считали себя вправе высказывать об этом произведении категорические суждения. В конце XX века оно неожиданно приобрело актуальность.

* * *

В чем же тайна столь странного небрежения к уникальному политическому сочинению русского историка-мыслителя? Почему его трактат-размышление столь долго оставался практически недоступным читателю?

Свои причины имелись и в царской России, и в советской.

Нетрудно догадаться, что заставляло самодержавие упорно, в течение столетия, препятствовать ее широкому обнародованию: пафос утверждения самодержавия как незыблемой основы благоденствия Отечества перекрывался жесткими, хлесткими характеристиками царствующих особ из династии Романовых, снятием покровов с темных, затушеванных официозом страниц, связанных с гибелью Петра III и Павла I. Не только созданием великого писателя, но и подвигом честного человека назвал Пушкин карамзинскую «Историю государства Российского», эти же слова можно отнести и к «Записке о древней и новой истории России...».

«В советские времена Карамзин был у нас хрестоматийно почитаем и ограниченно читаем. В самом деле: как писателя-сентименталиста его «проходили» в школах и вузах, разумеется, его вспоминали как историка, не забывая строк приписываемой Пушкину эпиграммы о «необходимости самовластья и прелестях кнута», — отмечает Сергей Некрасов, директор Всероссийского музея им. А. С. Пушкина.

Исторические труды Карамзина в СССР вообще долго не издавали: советская историография — с легкой руки М. Покровского и А. Луначарского — объявила его выразителем интересов «торгового капитала», «махровым реакционером», «настоящей реакционной бестией». Во всех учебниках истории он значился как фигура одиозная и реакционная: «монархист», «консерватор», «идеолог реакционного дворянства». Историческим произведениям «защитника самодержавия и крепостничества» доступ к печатному станку был закрыт.

Не способствовало популяризации Карамзина и его особое отношение к православию. «Прославим действие веры, — писал он в томе, содержащем описание России времен татаро-монгольского ига, — она удержала нас на степени людей и граждан... в унижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну православия». По мнению историка, творчески и философски осмыслявшего многовековую путь своего отечества, «история подтверждает истину... что вера есть особенная сила государственная»

И если фундаментальная «История государства Российского» почти полтора века лежала под спудом, то глубоко монархическая по своей сути «Записка...» тем более считалась не нужной советскому читателю.

В 1988 году все препоны были сняты: «Записка...» с сопроводительными статьями А. Сегеня и Ю. Лотмана была опубликована в журнале «Литературная учеба», в 1991 году вышла отдельной книгой в издательстве «Наука», дважды помещалась в приложениях к карамзинской «Истории государства Российского» (Эксмо, 2009; Ленинградское издательство, 2012).

Литература:

Н. Карамзин. История государства Российского. М., 2010.

Н. Карамзин. «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». С предисловием Ю. Пивоварова. М., 1991.

Н. Карамзин М. Письма русского путешественника. М., 1983.

Н. Карамзин. Мнение русского гражданина. 1819 // dugward.ru...karamzin...russkogo_grajdanina.html

Карамзин. PRO et CONTRA. СПб., 2006.

В. Муравьев. Карамзин. М., 2014.

А. Сегень. История создания и публикации трактата «О Древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях»; Ю. Лотман. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века // Литературная учеба. 1988. № 4.

Николай Карамзин – писатель, критик, историк // <http://www.litmir.co/br/?b=114447&p=1>

Карамзин Николай Михайлович // http://www.sxnarod.com/index.php?act=articles&CODE=one_art&a=6710

Николай Михайлович Карамзин, писатель, историк, журналист, критик, почетный член Петербургской Академии наук, патриот своего отечества, автор «Истории государства Российского» // <http://refdb.ru/look/1236423-pall.html>

10 фактов о записке Карамзина «О древней и новой России» // <http://www.top10.oddlife.info/10-faktov-o-zapiske-karamzina-o-drevnej-i-novoj-rossii/>

П. Берков, Г. Макогоненко. Жизнь и творчество Карамзина // rvb.ru/Xviii век

А. Минаков. Н. М. Карамзин // http://www.portal-slovo.ru/history/35463.php?ELEMENT_ID=35463&SHOWALL_1=1

В. Никонов // <http://rus-istoria.ru/component/k2/item/640-karamzin>

А. Тукало. Николай Карамзин: собиратель слов // swissinfo.ch/rus...история-и-современность...карамзин...

Михаил Михайлович Сперанский, автор реформаторского проекта // <http://rushist.com/index.php/historical-notes/2054-reformy-speranskogo-kratko>

Сперанский и Карамзин – 2 разных точки зрения // <http://www.proza.ru/2006/06/02-52>